

Научная статья
УДК 39+911.6
doi: 10.17223/2312461X/41/6

Оленеводческие ландшафты России: ландшафтное районирование и траектории эволюции оленеводческого хозяйства в конце XX – начале XXI столетия

Константин Борисович Клоков

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
k.b.klovov@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается история изменения поголовья домашних оленей в России в контексте этноландшафтного подхода. Этнокультурное ландшафтоведение – относительно новое и активно разрабатываемое направление на стыке этнологии и гуманитарной географии, в котором человек и его деятельность рассматриваются в географическом и историческом контекстах. Традиционное северное оленеводство пока еще не получило осмысления в терминах парадигмы культурного ландшафта. В первой части статьи методология ландшафтного подхода рассмотрена с точки зрения ее применимости к изучению оленеводства. Дано краткое описание разработанной автором схемы типологического районирования этнокультурных ландшафтов оленеводства России, выполненной в традициях российской ландшафтно-географической школы. Завершает статью анализ изменений поголовья домашних оленей по единицам такого районирования. Для анализа использованы данные Росстата в разрезе муниципальных районов, материалы авторских исследований оленеводства в различных регионах России и литературные источники. Каждый оленеводческий ландшафтный район представляет собой своего рода географическую индивидуальность. Его хозяйственная история находит свое статистическое выражение в особенностях динамики поголовья оленей, которую нельзя объяснить только ссылкой на общие принципы и закономерности, но можно понять как своего рода нарратив – повествование о последовательности событий, сформировавших данный ландшафт. В практическом аспекте схема ландшафтного районирования представляет собой своего рода «инвентаризацию» различных форм традиционного оленеводства, которая нужна для формирования региональной политики по его поддержке и сохранению культурного наследия оленеводческих народов.

Ключевые слова: концепт ландшафта, районирование, этнокультурный ландшафт, социально-экологическая система, северное оленеводство, типы оленеводства, коренные народы Севера, Сибирь, Север

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00665) «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты» (рук. – К.Б. Клоков).

Для цитирования: Клоков К.Б. Оленеводческие ландшафты России: ландшафтное районирование и траектории эволюции оленеводческого хозяйства в конце XX – начале XXI столетия // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 96–112. doi: 10.17223/2312461X/41/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/41/6

Russian Reindeer Herding Landscapes: Landscape Zoning and Paths of Evolution of Reindeer Husbandry in the Late 20th and Early 21st Centuries

Konstantin B. Klovov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, k.b.klovov@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to examine the history of changes in the domesticated reindeer population in Russia in the context of the ethnolandscape approach. Ethnocultural landscape science is a relatively new and actively developed area at the intersection of ethnology and human geography, in which people and their activities are examined in geographical and historical contexts. Traditional reindeer husbandry has not yet been conceptualized in terms of a cultural landscape paradigm. In the first part of this article, the methodology of the landscape approach is examined in terms of its applicability to the study of reindeer husbandry. This is followed by a brief description of the author's scheme for the typological zoning of the ethnocultural landscapes of reindeer herding in Russia, which is carried out in the traditions of the Russian geographical school. The article concludes with an analysis of changes in the domesticated reindeer population according to the units of this zoning. The analysis uses the Federal State Statistics Service data in terms of municipal districts, the author's reindeer husbandry research materials in different regions of Russia and literary sources. Each landscape district represents a kind of geographical individuality. Its economic history finds its statistical expression in the peculiarities of reindeer population dynamics, which cannot be explained only by reference to general principles and regularities, but can be understood as a kind of narrative – a narrative of the sequence of events that shaped the given landscape. In practical terms, the landscape zoning scheme is a kind of 'inventory' of the various forms of traditional reindeer husbandry, which is needed for the development of regional policies to support it and preserve the cultural heritage of reindeer herding peoples.

Keywords: Landscape concept, zoning, ethno-cultural landscape, cultural landscape, socio-ecological system, reindeer husbandry, types of reindeer husbandry, indigenous peoples of the North, Siberia, the North

Acknowledgements: The research has been funded by the Russian Science Foundation project № 22-28-00665 "Ethnocultural landscapes of Russian reindeer-herding peoples: structure and spatial contexts" (PI – K.B. Klovov).

For citation: Klovov, K.B. (2023) Russian Reindeer Herding Landscapes: Landscape Zoning and Paths of Evolution of Reindeer Husbandry in the Late 20th and Early 21st Centuries. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 96–112. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/41/6

Введение

Изучение этнокультурных ландшафтов – относительно новое и активно разрабатываемое направление на стыке этнологии и гуманитарной

географии, в котором человек и его деятельность рассматриваются в единстве с региональной средой. Интересным полем для ландшафтных исследований может быть традиционное северное оленеводство, еще не получившее осмысления в терминах парадигмы культурного ландшафта. Сообщества оленеводов, многие из которых до сих пор сохраняют кочевой образ жизни, сумели приспособиться к самым разным природным ландшафтам – от плоских заболоченных равнин Западной Сибири до Саянских гор. Ареал оленеводства в России простирается сейчас более чем на 2 тыс. км с севера на юг, от полярной тундры до южной тайги, и примерно на 5 тыс. км с запада на восток. В одних регионах выпасаются сотни тысяч оленей, в других оленеводство прекратилось или сохранились лишь его отдельные очаги. Различия в состоянии и трендах связаны как с современными условиями, в которых ведется оленеводческое хозяйство, так и с событиями прошлого, т.е. они определяются совместно географическим и историческим региональным контекстом. Роль такого контекста особенно ярко проявлялась в периоды ломки установившихся рутинных стереотипов: в годы коллективизации, перевода на оседлость, рыночных реформ, когда изменялись не только объективные условия, но и весь стиль отношений между сообществами оленеводов, другими группами населения и властными структурами.

Рассматривая эволюцию оленеводческого хозяйства разных регионов, мы постоянно сталкиваемся с простыми, на первый взгляд, вопросами, ответить на которые тем не менее затруднительно. Например: «Почему частные оленеводческие хозяйства в одних местах процветают, а в других терпят одну неудачу за другой в попытках сделать оленеводство прибыльным?» или «Приведет ли продолжающееся много лет сокращение поголовья оленей в данном районе к полному исчезновению оленеводства или же траектория его эволюции в конце концов изменит свою направленность?». Ответить на них может помочь анализ исторического и географического контекста.

Одному из аспектов такого анализа и посвящено данное исследование. В ряде более ранних публикаций (Клоков, Хрушев 2004; Klovov 2011, 2012; Клоков 2020) предметом обсуждения были динамика и тренды поголовья домашних оленей в разных оленеводческих регионах России. Затем был проанализирован пространственный контекст оленеводства и составлены первые карты типологического районирования оленеводческих ландшафтов (Клоков, Антонов 2022; Klovov 2023). На данном этапе целесообразно совместить эти два аспекта. Цель этой статьи – рассмотреть историю изменения поголовья домашних оленей в России за несколько последних десятилетий в рамках ландшафтного подхода, другими словами, наложить тенденции изменения поголовья оленей в различных регионах на сетку районирования оленеводческих ландшафтов страны и таким образом индивидуализировать

региональный контекст. В практическом (прикладном) аспекте актуальность такого анализа очевидна: на поддержку оленеводства тратятся весьма значительные государственные средства, а понимание объективных тенденций его эволюции в разных регионах позволит расходовать их более целенаправленно и эффективно. Необходим он и для институциональных преобразований в оленеводческом хозяйстве, а также для обоснования мер по сохранению его традиций как части культурного наследия. В теоретическом плане он может помочь выявить типичные модели системной адаптации оленеводческого хозяйства и понять, какие из них имеют больше шансов выжить в тех или иных конкретных условиях.

В этой статье мы сначала рассмотрим типологическое районирование этнокультурных ландшафтов оленеводства, а завершим ее анализом траекторий изменения поголовья домашних оленей за последние десятилетия по единицам такого районирования.

Типологическое районирование этнокультурных ландшафтов оленеводства

Работ по типологическому районированию оленеводства России до последнего времени не было, хотя в ряде публикаций была проведена дифференциация типов оленеводства по географическому признаку. Так, В.Г. Богораз (Богораз-Тан 1932: 27) разделил его сначала на два типа: тип, где оленей запрягают в упряжки, распространенный в тундре, и тип, где на них ездят верхом, – в тайге. Далее эти типы были разделены на восточные, где оленеводческие собаки не использовались, и западные, где оленей пасли с помощью собак. Географической границей между ними была река Енисей.

Е.Е. Сыроечковский (1974: 314–317) предложил схему районирования традиционного хозяйственного комплекса сибирского Севера, включавшего кроме оленеводства охотничий промысел и рыболовство. Он выделил биолого-экономические зоны и географические типы хозяйственной деятельности, которые возникли из исторических традиций хозяйства в местных зонально-ландшафтных условиях. Из его схемы видно, что в различных географических зонах оленеводство может быть как основной, так и второстепенной частью хозяйственного комплекса. Соответственно, различается и его роль в ландшафте. С книгой Е.Е. Сыроечковского перекликается монография А.В. Головнева (1993), в ней дана типология и географическая привязка (по существу – районирование) хозяйственных комплексов коренных народов Западной Сибири, в которых оленеводство часто играет ведущую роль.

Г.М. Василевич и М.Г. Левин (1951) выделили пять типов оленеводства, которые могут служить основой типологического районирования.

В них была учтена вся совокупность этнографических признаков. Далее мы будем называть их этнокультурными типами оленеводства.

Указанные выше работы позволили сформировать методологию нашего подхода к районированию ландшафтов оленеводства (Клоков, Антонов 2022; Клоков 2023) в русле российской географической школы. Она основана на концепции культурного ландшафта, предложенной В.Н. Калущковым (2008), и принципах культурно-географического районирования А.Г. Манакова (2012) и А.А. Андреева (2012). Мы стремились к целостному восприятию ландшафта как социально-экологической системы, объединяющей сообщества оленеводов с конкретными участками географической среды.

В оленеводстве рутина, экономика и культура сплетены воедино и уходят корнями в окружающий ландшафт. Следуя идеям К.О. Зауэра (Sauer 1969 [1925]) и В.Н. Калущкова (2008), мы полагаем, что индивидуальный оленеводческий культурный ландшафт – это территория, заселенная и освоенная местным оленеводческим сообществом. Ландшафт осваивается сообществом оленеводов не только в экономическом, но и в культурном, семантическом и других аспектах, но мы ограничиваемся рассмотрением хозяйственного аспекта.

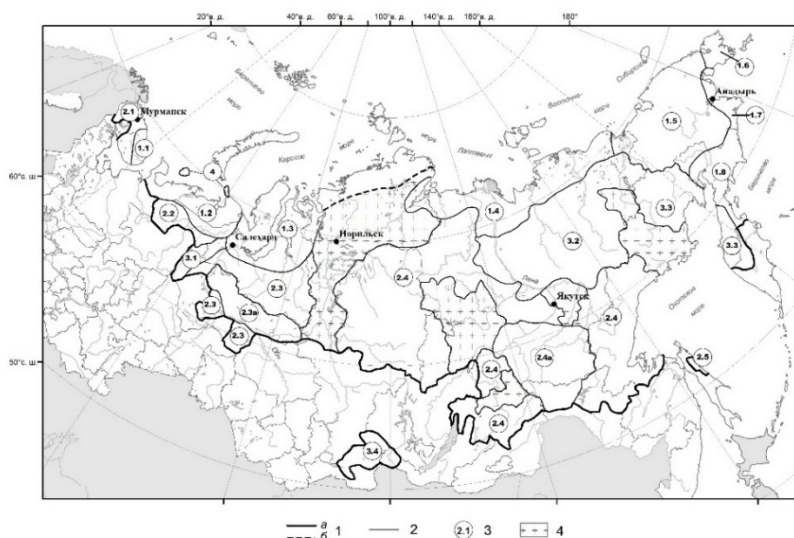
Районирование, как простейший способ типологической систематизации ландшафтов, должно, по возможности, учитывать все важные для оленеводства факторы: природно-географический, этнокультурный, географическое положение и др. С учетом этого наше типологическое районирование оленеводства включает несколько уровней. На верхнем весь ареал северного оленеводства в России был разделен на три ландшафтные зоны по преобладающей модели миграции оленеводов, поскольку такие модели хорошо отражают взаимодействие оленеводства с географической средой в целом. Были разграничены зоны крупностадного тундрового (с преобладанием меридиональных межзональных миграций), мелкостадного таежного (преимущественно транспортного) и горного оленеводства.

На втором уровне делимитация проведена по ареалам этнокультурных типов оленеводства: самодийского, тунгусского, чукотско-корякского и саянского, границы которых связаны с расселением соответствующих оленеводческих народов.

Далее полученные на втором уровне единицы районирования разделялись по местным особенностям оленеводства. Здесь применялся известный в общественной географии прием плавающего признака, когда общее основание для делимитации единиц районирования на данном уровне отсутствует, и различные районы могут быть выделены по разным критериям (Смирнягин, 2011).

Для проведения районирования были использованы эмпирические материалы, накопленные в ходе полевых исследований оленеводства в различных регионах России, литературные источники, сведения

Российского статистического агентства, отражающие численность оленей на уровне муниципальных районов (Базы данных...), а также полученные по специальному запросу данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. о численности представителей коренных малочисленных народов Севера по муниципальным образованиям. Составленная по этим материалам карта «Этнокультурно-ландшафтное районирование северного оленеводства» (Клоков, Антонов 2022) в несколько переработанном и уточненном виде была использована для анализа траекторий хозяйственной эволюции оленеводства по простейшему показателю, отражающему его состояние – величине поголовья оленей (рис. 1–4; таблица).

Типы и виды ландшафтов:

Тундровые материковые и межзональные равнинные: 1.1 – кольские самодийско-саамские; 1.2 – северо-европейские самодийские; 1.3 – западносибирские самодийские; 1.4 – восточносибирские тунгусские; 1.5 – центрально-чукотские; *Тундровые притихоокеанские:* 1.6 – северо-восточные чукотские; 1.7 – юго-восточные чукотские; 1.8 – корякские и чукотские с участием эвенского оленеводства; *Таежные с отдельными очагами оленеводства (в том числе с недавно утраченными):* 2.1 – кольские с саамским и поморским (утрачены) оленеводством; 2.2 – северо-европейские коми-ижемского оленеводства; 2.3 – преимущественно самодийского оленеводства: хантов, лесных ненцев, селькупов, манси (утрачены), местами с участием эвенков; 2.4 – тунгусского оленеводства (эвенков и эвенов с участием якутов); 2.5 – сахалинское оленеводство эвенков (утрачено) и ороков; *Таежные с наиболее развитым таежным оленеводством:* 2.3а – среднетаежные хантыйские; 2.4а – среднетаежные эвенкийские; *Горные (с вертикальными миграциями оленьих стад):* 3.1 – уральские коми-ижемского и хантыйского оленеводства; 3.2 – якутские преимущественно эвенского оленеводства; 3.3 – магаданские и камчатские эвенского оленеводства; 3.4 – южносибирские тувинского, тофаларского и сойотского оленеводства; 4 – *Островные ландшафты арктические ненецкого оленеводства*

Рис. 1. Области распространения отдельных типов и видов этнокультурных ландшафтов оленеводческих народов в России: 1 – границы распространения северного оленеводства в России: а – южная, б – северная (в пределах материка); 2 – границы областей распространения типов и видов ландшафтов; 3 – номера типов и видов ландшафтов; 4 – основные районы, где оленеводство было утрачено за последние 50 лет

**Систематизация ландшафтных районов оленеводства
по зональным и региональным типам**

Зональные типы	Преобладающие этнокультурные типы оленеводства								
	Самодийский			Тунгусский			Чукотско-корякский		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Тундровый	1.1	53,7	−0,4%	1.4	51,6	+2,5%	1.5 *	187,5	−61,6%
	1.2	259,4	+3,9%				1.6	13,2	−63,0%
	1.3	905,0	+13,5%				1.7	6,46	−7,7%
							1.8*	27,2	+1,1%
Таежный	2.3, 2.3а	61,1	+0,2%	2.4, 2.4а, 2.5	51,4	−10,2%	X		
Горный	3.1	11,9	+23,2%	3.2	58,2	−75,5%	X		
				3.3	30,3	−30,8%			
				3.4**	2,4	−1,9%			

Примечания. 1 – индекс ландшафтного района на карте (рис. 1); 2 – поголовье оленей в ландшафтном районе в среднем за 2010–2020 гг., тыс. гол.; 3 – индекс роста/уменьшения поголовья оленей: (2020 г. минус 2010 г.) / (среднее за 2010–2020), %.

* С участием оленеводства эвенов; ** оленеводство саянского типа.

**Эволюция оленеводческого хозяйства России в конце XX –
начале XXI в. в регионально-ландшафтном контексте**

По словам Тима Ингольда, ландшафт никогда не бывает завершённым: ни «построенным», ни «непостроенным», он постоянно находится в процессе строительства. Его создает человек, а он создает человека (Ingold 1993: 162). Поэтому изучение этнокультурных ландшафтов всегда связано с историей, ретроспективным анализом. Схема ландшафтного районирования (см. рис. 1) отражает как синхронность, так и диахронность ландшафтов оленеводства. Каждый из обозначенных на ней ландшафтных районов специфичен, причем не только географически, но и с точки зрения истории оленеводческих сообществ. Для ретроспективного анализа на данном этапе мы использовали простейший показатель, отражающий изменения состояния оленеводства во времени: динамику поголовья оленей за последние десятилетия.

В хозяйственной истории оленеводства в России в советские и последующие годы очевидным образом выделяются два периода относительной стабильности – советский колхозно-совхозный (1940–1990 гг.) и современный (с 2010 г. по настоящее время). Их разделили кризисные годы рыночных преобразований – своего рода переходный этап, когда в оленеводстве, как и во всем хозяйстве страны, наблюдался резкий спад, а затем постепенное оживление хозяйственной жизни. Однако взгляд на оленеводство через призму регионально-ландшафтного подхода говорит, что эта общая схема «сработала» не везде и что каждый ландшафт проявил себя в эти годы как индивидуальный хозяйственный организм.

Именно в годы кризиса регионально-ландшафтные различия наиболее сильно сказались на путях эволюции оленеводческого хозяйства.

Всего в этот переходный период выявились три отчетливые тенденции.

1. Резкое (так называемое обвальное) сокращение поголовья оленей на северо-востоке страны, в областях крупностадного чукотско-корякского и тунгусского оленеводства, вызванное кризисом оленеводства в общественном секторе (см. рис. 1, 1.5–1.8, 3.2, 3.3; рис. 2, 2).

2. Значительный рост крупностадного оленеводства в четырех муниципальных районах на севере Западной Сибири – в одной из областей самодийского тундрового оленеводства, который был связан с укреплением частно-семейных кочевых хозяйств (рис. 1, 1.3; рис. 3).

3. Ускорение темпов сокращения поголовья в мелкостадном таежном оленеводстве, которое было связано со снижением роли оленей как средства транспорта (рис. 1, 2.1–2.5, 3.4; рис. 2, 3).

Каждая из указанных тенденций была довольно четко локализована в одной из обозначенных выше географических областей, но проявлялась с разной интенсивностью в разных ее частях.

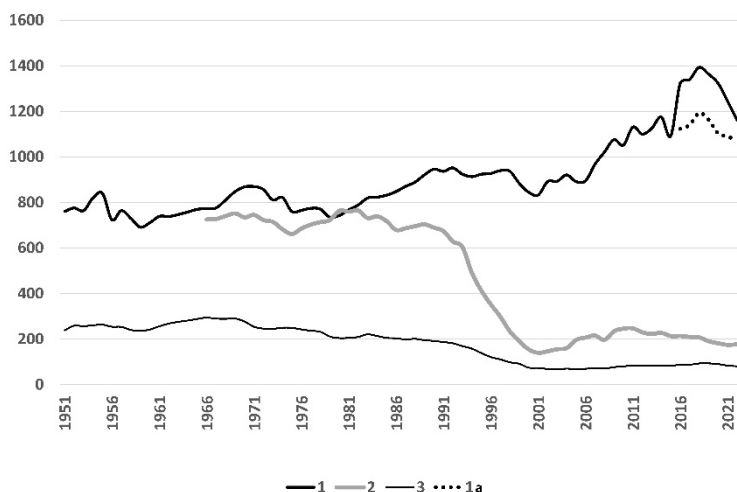

Рис. 2. Динамика поголовья оленей (тыс. гол.) как показатель состояния оленеводства на верхних уровнях районирования: 1 – этнокультурная область самодийского тундрового оленеводства; 2 – этнокультурная область чукотско-корякского тундрового оленеводства; 3 – эколого-хозяйственная зона таежного оленеводства; 1a – поправка к данным Росстата

Рассмотрим первую тенденцию. В годы рыночных реформ и в последующие десятилетия разные институциональные формы оленеводства по-разному реагировали на изменения экономической и социальной политики в России в целом и в отдельных ее регионах (Клоков 2020).

Соответственно, и тренды поголовья в регионах зависели от соотношения количества оленей в разных институциональных формах хозяйства. Быстрый рост поголовья имел место только в незарегистрированных частных (семейных) хозяйствах в тундрах Западной Сибири, которые находились за рамками государственного контроля в сфере неформальной экономики. В силу исторических причин на всех остальных оленеводческих территориях России получила развитие другая институциональная форма – оленеводческие предприятия. Здесь судьба оленеводства определялась и сейчас определяется в основном его государственной поддержкой (Клоков 2020).

Обвальное сокращение поголовья оленей произошло в районах, где почти все олени были сосредоточены в государственных предприятиях – совхозах. Крах совхозной системы был особенно драматичным там, где совхозы намеренно разваливали с целью приватизации, что вело к массовому забою оленей и уходу оленеводов из тундры и тайги в поселки (Клоков, Хрущев 2004: 112–113, 160–161). Там, где приватизация совхозов свелась к простой смене вывески – переименованию их в кооперативы, общины, или муниципальные предприятия, урон, нанесенный оленеводству, был значительно меньше (Клоков, Хрущев 2004: 161). А частно-семейного оленеводства, там, где оно сложилось в советские годы в недрах совхозной системы, как ее неформальная часть, этот «обвал» не коснулся вообще.

Обвальное сокращение поголовья охватило, во-первых, ландшафтные области чукотско-корякского и тунгусского тундрового оленеводства (рис. 1, 1.5–1.8; рис 2, 2). Сильнее всего – вплоть до полного прекращения оленеводства в некоторых поселках – оно была выражено в притихоокеанских тундрах (рис. 1, 1.6, 1.7), где в зимнее время высок риск образования на снегу ледяных корок, за что они получили местное название «зоны рискованного оленеводства». В прошлом – до советских преобразований – оленеводы вообще не пасли здесь оленей зимой, а откочевывали в более безопасные места (Клоков, Хрущев 2004: 165). Поэтому «ядро» чукотского оленеводства сохранилось в материковых ландшафтах вдали от побережья (рис. 1, 1.5).

Во-вторых, сильное снижение поголовья имело место и в области горного эвенского оленеводства в Якутии и в Магаданской области (рис. 1, 3.2, 3.3). Негативный тренд сохранялся и в постсоветское время и продолжался до 2018 г. (рис. 4, в). К сожалению, у нас мало данных об этом регионе, чтобы провести детальный анализ.

Еще более интересна вторая тенденция – неожиданный, противоположный общероссийской тенденции в кризисные годы рост поголовья оленей в тундрах между Уральскими горами и рекой Енисей. Его трудно соотнести с какими-либо экологическими факторами. Он был четко локализован в географическом пространстве (см. рис. 1, 1.3) и, по-

видимому, обусловлен институциональным фактором и культурно-хозяйственными традициями, которые по историческим причинам сложились только на этой территории. Этот рост начался в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 1950–1960-е гг. и ускорился после рыночных реформ 1990-х гг. (рис. 3). Вскоре зона этого роста распространилась на соседний с востока Тазовский район, а со временем – в середине 2000-х гг. – и на соседний с запада Приуральский. Затем она расширилась до правого берега Енисея, охватив часть Таймырского района Красноярского края. При этом в расположенных южнее районах ЯНАО (Красноселькупском, Пуровском, Надымском и Шурышкарском), а также в области ненецкого тундрового оленеводства на Европейском Севере подобного роста не было. поголовье оленей там в основном колебалось примерно на одном уровне или имело отрицательным тренд.

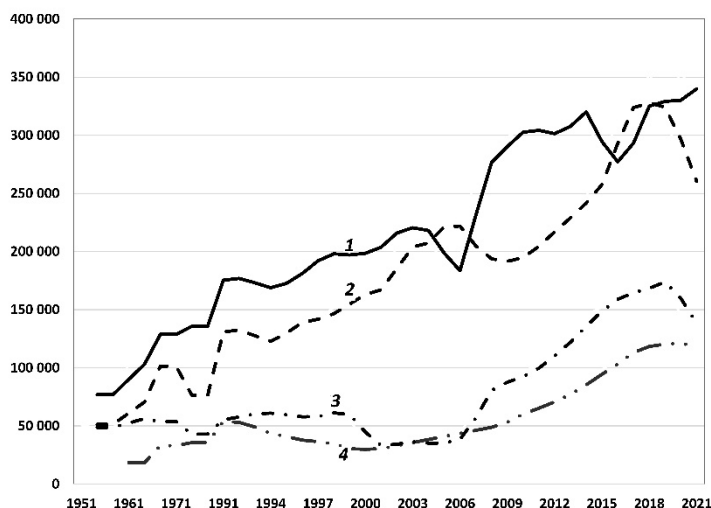

Рис. 3. Рост поголовья оленей (гол.) в четырех муниципальных районах в области тундрового самодийского оленеводства на севере Западной Сибири:
1 – Ямальский район ЯНАО; 2 – Тазовский район ЯНАО; 3 – Приуральский район ЯНАО; 4 – Таймырский район Красноярского края (левобережная часть)

Ключ к разгадке этого феномена, вероятно, лежит в этнокультурных особенностях менталитета местного сообщества оленеводов (Клоков 2020). Как показали специальные исследования (Мартынова 2014), размер собственного стада оленей – здесь основной критерий социального статуса и материального богатства. У других групп коренного населения района, например у ненцев-рыбаков, материальное благополучие измеряется деньгами. В контексте политической истории ЯНАО (менее жесткий, по сравнению с северо-востоком страны, стиль командной

экономики) и на фоне благоприятной экономической обстановки (хорошие рынки сбыта продукции оленеводства) такая нацеленность на рост собственных стад, иногда даже в ущерб экономической выгоде, привела к перетеканию поголовья из общественного в частный сектор и его выходу из-под контроля местных властей. Обратной стороной роста стал надвигающийся кризис истощения пастбищных ресурсов, усугубляемый изъятием пастбищ для промышленного освоения, на первый взгляд, напоминающий классический случай «трагедии общего пула ресурсов» (Пилясов, Кибенко 2020).

Третью тенденцию рассмотрим на примере таежного оленеводства Восточной Сибири. Спад поголовья здесь начался еще в 1960-е гг., что можно хорошо объяснить снижением спроса на ездовых оленей по мере развития механического транспорта (см. рис. 2, 3). До этого спрос на олений транспорт стимулировал рост оленьего поголовья. В 1950–1960-е гг. важнейшей статьей доходов многих эвенкийских колхозов были поступления от сдачи транспортных оленей в аренду многочисленным геологическим и другим экспедициям, работавшим тогда в сибирской тайге (Клоков, Хрущев 2004: 111). Попытка переориентировать таежное оленеводство на производство мяса не дала результата. Потребность в транспортных оленях еще сохраняется у частных владельцев, которым ездовые олени нужны во время охоты на соболя, если передвижение на снегоходах затруднено. Сократившийся ареал таежного оленеводства раскололся на отдельные очаги, во многих местах (например, на большей части Эвенкии) оно вообще исчезло. Однако «ядро» эвенкийского таежного оленеводства на юге Якутии (в Алданском, Олекминском и Нерюнгринском районах) сохраняется. К настоящему времени поголовье оленей здесь вернулось к уровню 1930–1940-х гг. (рис. 4, з).

С окончанием вызванного рыночными реформами переходного периода (с 2010 г.) ситуация в оленеводстве в основном стабилизировалась, резкие колебания поголовья оленей сгладились (см. рис. 2). Однако динамика поголовья продолжает сохранять регионально-ландшафтную специфику.

В период 2010–2020 гг. можно проследить следующие тренды (рис. 4):

- рост поголовья оленей в районах тундрового и горного самодийского оленеводства продолжался, но темпы его замедлились (рис. 4, а). Резервы этого роста в тундрах Западной Сибири к настоящему времени практически исчерпаны (см. выше), но на других территориях он может продолжаться;

- негативный тренд в тундровом тунгусском оленеводстве сменился на положительный (рис. 4, б, 1.4);

- возобновилось после небольшого подъема в начале 2000-х гг. снижение поголовья в области чукотско-корякского оленеводства, весьма значительное на Чукотке и слабо выраженное в Корякии (см. рис. 2, 2; рис. 4, б);

– снижение поголовья оленей в районах горного эвенского оленеводства с 2018 г. все же прекратилось (рис. 4, в).

– сильные колебания поголовья оленей отмечаются в таежном оленеводстве как в Восточной, так и в Западной Сибири (рис. 4, з). Возможно, они объясняются несовершенным статистическим учетом. В целом по стране и в таежном, и в горном оленеводстве наблюдались негативные тренды: в таежном – слабый, а в горном – сильный (рис. 4, е).

Отдельно можно прокомментировать ситуацию со статистическим учетом поголовья оленей в тундровых районах ЯНАО, с которыми связаны колебания на графике поголовья в самодийских тундровых ландшафтах (см. рис. 2, 1).

Есть основания предположить, что они в значительной степени являются статистическим артефактом. Сведения о поголовье оленей в округе собираются не только органами статистики, но и департаментом агропромышленного комплекса, причем их данные сильно расходятся. Так, в 2009 г. оценка статистическими органами всего поголовья по ЯНАО была на 32 тыс. голов выше оценки департамента, к 2020 г. разница достигла 220 тыс. голов, а к 2022 г. сократилась до 90 тыс. По мнению работающих на Ямале этнографов, основанному на опросе многих оленеводов этого полуострова, оценки департамента там заслуживают доверия и близки к действительности (А.Н. Терехина, личное сообщение). Можно предположить, что сильное снижение поголовья оленей, по данным Росстата, объясняется тем, что его учет стал более точным. Так, по данным Росстата, поголовье в округе с 2020 по 2022 г. снизилось на 156 тыс. гол., а по данным департамента – всего на 27 тыс. гол., в результате оценки существенно сблизились (рис. 2, 1а).

Выше мы рассмотрели хозяйственную историю оленеводства нескольких ландшафтных районов. Хозяйственная история других районов не менее интересна, но нет возможности рассказать обо всех в рамках одной статьи. История ландшафтов оленеводства Кольского полуострова и Большеземельской тундры раскрыта К.В. Истоминым (Istomin 2023).

Рассмотрев различные формы оленеводства Европейского Севера с точки зрения ландшафтного подхода, он пришел к выводу, что оленеводство с его особыми методами выпаса и способами взаимодействия между людьми и оленями трансформирует природную среду, делая природный ландшафт «одомашненным», т.е. превращая его в часть социально-экологической системы аналогично тому, как когда-то частью культурного ландшафта стали дикие олени (Istomin 2023: 8).

Рис. 4. Изменения уровня поголовья оленей в ландшафтных районах за 2010–2020 гг. (% к среднему уровню за указанный период). Индексы на графиках соответствуют индексам районов на карте (см. рис. 1): *а* – районы тундрового и горного самодийского оленеводства; *б* – районы тундрового чукотско-корякского оленеводства; *в* – районы горного звенского оленеводства; *г* – районы таежного оленеводства; *д* – сопоставление трех областей тундрового оленеводства; *е* – сопоставление таежного и горного оленеводства в целом

Заключение

Несмотря на значительные методологические отличия, все работы, основанные на концепции ландшафта, объединяет очень широкое

целостное видение, которое является их сильной, а в некоторых случаях в то же время и слабой стороной. Каждая единица ландшафтного районирования представляет собой своего рода географическую индивидуальность (Sauer 1963 [1925]: 321–322). Единицы ландшафтного районирования оленеводства имеют свои характерные индивидуальные черты, связанные с географическим и историческим контекстом жизни оленеводов и оленей. Хозяйственная история находит свое статистическое выражение в особенностях динамики поголовья оленей, которая во многом определяет современное состояние и будущее оленеводства.

Ландшафтный подход не позволяет открыть универсальные закономерности эволюции оленеводства. Как отмечает А. Цинг (Tsing 2015: 167–176), ландшафт – это совокупный результат множества случайных встреч. Его нельзя объяснить только ссылкой на общие принципы и закономерности, но можно понять как своего рода нарратив – повествование о последовательности встреч и событий, сформировавших данный ландшафт (Istomin 2023: 2). В этой статье были рассмотрены только динамические ряды одного показателя (поголовья оленей), отражающего изменения в оленеводстве. Это первый этап, за которым могут следовать содержательные описания событий, с которыми были связаны указанные изменения.

Схема ландшафтного районирования представляет собой своего рода «инвентаризацию» различных форм традиционного оленеводства. Это важно как для его дальнейших исследований, так и для определения приоритетов региональной политики по его поддержке, сохранения традиций оленеводов как нематериального культурного наследия и ресурса для туристического бизнеса.

Конечно, ландшафтный подход не заменяет углубленного изучения оленеводства в разных регионах России, но может хорошо дополнять его. Он позволяет связать результаты таких исследований с конкретными местами – ландшафтами и их историей. С помощью районирования они могут быть нанесены на карту, а карта «вставлена» в исторический контекст. Такая карта становится не только результатом, но и инструментом для дальнейших исследований.

Список источников

- Андреев А.А. Опыт культурно-ландшафтного районирования России // Псковский региональный журнал. 2012. № 13. С. 12–25.
- База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
- Богораз-Тан В.Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.
- Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1993.

- Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
- Клоков К.Б. Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Вост. лит., 2020. С. 49–86.
- Клоков К.Б., Антонов Е.В. Этнокультурно-ландшафтное районирование традиционного северного оленеводства в разрезе муниципальных образований Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, № 4. С. 696–713.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера. Информационно-аналитический обзор. СПб.: ВВМ, 2004.
- Манаков А.Г. Структура геокультурного пространства России: подходы к делимитации // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 22–35.
- Мартынова Е.П. Представления о богатстве у ненцев Ямала // Сибирский сборник – 4 / отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 161–170.
- Пилясов А.Н., Кибенко В.А. Феномен предпринимательства в оленеводстве Ямало-Ненецкого автономного округа: оценка ситуации, парадоксы и противоречия, выбор будущего // Арктика: экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 122–137.
- Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 6. С. 13–19.
- Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера. Проблемы освоения. М.: Наука, 1974.
- Ingold T. The temporality of the landscape // World Archaeology. 1993. № 25 (2). P. 152–174.
- Istomin K.V. Cultured reindeer, domesticated land, and (self)-cultivated herders: Histories and structures of reindeer herding landscapes in the European part of Russia // Pastoralism. 2023. № 13, 11.
- Klokov K.B. National fluctuations and regional variation in domesticated reindeer numbers in the Russian North: Possible explanations // Sibirica. 2011. № 10 (1). P. 23–47.
- Klokov K.B. Changes in reindeer population numbers in Russia: An effect of the political context or of climate? // Rangifer. 2012. № 32 (1). P. 19–33.
- Klokov K.B. Geographical variability and cultural diversity of reindeer pastoralism in northern Russia: delimitation of areas with different types of reindeer husbandry // Pastoralism. 2023. № 13, 15. Preprint. doi.: 10.1186/s13570-023-00279-3
- Sauer C.O. The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer. Berkeley, CA: University of California Press, 1969 [1925]. P. 315–350.
- Tsing A.L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton: Princeton University Press, 2015.

References

- Andreyev A.A. (2012) Opyt kulturno-landshaftnogo rayonirovaniya Rossii [Experience of Cultural Landscape Zoning of Russia], *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*, no. 13, pp. 12–25.
- Baza dannykh pokazateley munitsipalnykh obrazovaniy Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki Rossiyskoy Federatsii [Database of indicators of municipalities of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
- Bogoraz-Tan V.G. (1932) Severnoye olenevodstvo po dannym khozyaystvennoy perepisi 1926–1927 gg. [Northern reindeer husbandry according to the economic census of 1926–1927], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 26–62.
- Golovnev A.V. (1993) *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severa Zapadnoy Sibiri* [Historical typology of the economy of the peoples of the North of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

- Ingold T. (1993) The temporality of the landscape, *World Archaeology*, no. 25 (2), pp. 152–174.
- Istomin K.V. (2023) Cultured reindeer, domesticated land, and (self)-cultivated herders: Histories and structures of reindeer herding landscapes in the European part of Russia, *Pastoralism*, no. 13: 11.
- Kaluckov V.N. (2008) *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyj hronograf.
- Klovov K.B. (2012) Changes in reindeer population numbers in Russia: An effect of the political context or of climate? *Rangifer*, no. 32 (1), pp. 19–33.
- Klovov K.B. (2011) National fluctuations and regional variation in domesticated reindeer numbers in the Russian North: Possible explanations, *Sibirica*, no. 10 (1), pp. 23–47.
- Klovov K.B. (2020) Raznonapravlennost trendov v traditsionnom olenevodstve narodov Sibiri i Arktiki [Multidirectional Trends in Traditional Reindeer Husbandry of the Peoples of Siberia and the Arctic]. In: *Energiya Arktiki i Sibiri: ispolzovanie resursov v kontekste sotsialno-ekonomicheskikh izmeneniy* [Energy of the Arctic and Siberia: The Use of Resources in the Context of Socio-Economic Changes] / Ed. V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 49–86.
- Klovov K.B., Hrushchev, S.A. (2004) *Olenevodcheskoe hozyajstvo korennykh narodov Severa* [Reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North]. Informacionno-analiticheskiy obzor. St. Petersburg: VVM.
- Klovov K.B. (2023) Geographical variability and cultural diversity of reindeer pastoralism in northern Russia: delimitation of areas with different types of reindeer husbandry, *Pastoralism*, no. 13, 15. Preprint. <https://doi.org/10.1186/s13570-023-00279-3>
- Klovov K.B., Antonov E.V. (2022) Etnokulturno-landshaftnoe rajonirovanie traditsionnogo severnogo olenevodstva v razreze municipalnykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii [Ethnocultural Landscapes Zoning of Traditional Reindeer Husbandry in The Context of Municipalities of The Russian Federation], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. Vol. 67, no. 4, pp. 696–713.
- Manakov A.G. (2012) Struktura geokulturnogo prostranstva Rossii: podhody k delimitatsii [Structure of Geocultural Space of Russia: Approaches to Its Delimitation], *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*, no. 14, pp. 22–35.
- Martynova E.P. (2014) Predstavleniya o bogatstve u nencev Yamala [Concepts of wealth among the Nenets of Yamal]. In: *Sibirskiy sbornik – 4* [Siberian Collection, 4th volume] / Ed. V.N. Davydov, D.V. Arzyutov. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 161–170.
- Pilyasov A.N., Kibenko V.A. (2020) Fenomen predprinimatelstva v olenevodstve Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: ocenka situatsii, paradoksy i protivorechiya, vybor budushchego [The Entrepreneurship Phenomenon in The Yamal Reindeer Farming: Assessment of The Situation, Paradoxes and Contradictions, Choice of The Future], *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no. 1 (37), pp. 122–137.
- Sauer C.O. (1969 [1925]) The morphology of landscape. Reprinted in J. Leighly (Ed.): *Land and life: selections from the writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 315–350.
- Smirnyagin, L.V. (2011) Metodicheskie podhody k rajonirovaniyu v obshchestvennoy geografii [Methodical Approaches to Regionalization in Social Geography], *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 5. Geografiya, no. 6, pp. 13–19.
- Syroechkovskiy E.E. (1974) *Biologicheskie resursy Sibirskogo Severa* [Biological resources of the Siberian North]. Problemy osvoeniya. Moscow: Nauka.
- Tsing A.L. (2015) *The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton: Princeton University Press.
- Vasilevich G.M., Levin M.G. (1951) Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdeniye [Types of reindeer husbandry and their origin], *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 63–87.

Сведения об авторе:

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Konstantin B. Klokov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 июля 2023;
принята к публикации 29 августа 2023.*

*The article was submitted 11.07.2023;
accepted for publication 29.08.2023.*